

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204803-811>

Исследовательская статья

Магарамов Шарафутдин Арифович
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
sharafutdin@list.ru

Сефербеков Магомедхабиб Русланович
младший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
dnc.ran@outlook.com

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ И ДРУГИЕ ФРОНТИРЫ РОССИИ: ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Аннотация. Перспективность использования концепта «фронтiera» в отношении Северного Кавказа не раз высказывалась и была научно обоснована в специальной литературе, в том числе и в зарубежной. Вместе с тем ряд исследователей до сих пор выступает против фронтирного измерения исторического процесса присоединения Кавказа к Российской империи, в частности, против использования классического (тернеровского) фронтiera в изучении истории народов Северного Кавказа. Цель настоящего исследования – рассмотрение общих и специфических черт между северокавказским пограничьем и другими российскими фронтирными зонами, параллельно существовавшим во времени, среди которых наиболее заметное место принадлежит сибирскому и южному фронтирам. Сопоставление последних с северокавказским аналогом позволит использовать многочисленные методологические наработки сибирской и южнорусской истории в качестве перспективных исследовательских тем применительно к северокавказскому региону. Раскрывается неповторимость сопоставляемых объектов, их историческая индивидуальность, что будет способствовать развитию теории, поскольку требует обобщающих ответов на вопросы о причинах сходства, различий и эволюции российских фронтирных территорий. Методологической основой исследования послужили сравнительно-исторический метод, а также концепт фронтiera, который становится частью методологии исследований. Проведенное исследование показывает, что северокавказский фронтир имеет ряд особенностей, отличающих его от других российских контактных зон и делающих его во многом оригинальным несмотря на то, что одной из сторон взаимодействия всегда оставалось Российское государство. Сравнение (компаративное исследование) северокавказского фронтiera с различными пограничными зонами России позволило выявить такие его особенности и характерные черты, как полифронтирность региона, религиозное пограничье, отсутствие «ничейной» земли и др., которые нуждаются в более углубленном изучении в качестве самостоятельных вопросов и позволят лучше понять исторический процесс установления российского влияния в северокавказском регионе. Среди сходств можно отметить такие факторы, как одновременность начала освоения этих регионов и оформления их государственных границ, общие принципы заселения приграничных территорий казачеством, выступавшим авангардом российской колонизации, вынужденное нахождение поселенцев во фронтирной зоне.

Ключевые слова: концепт фронтiera; Северный Кавказ; Юг России; Сибирь; сравнительный анализ; аналогии и различия

Для цитирования: Магарамов Ш.А., Сефербеков М.Р. Северокавказский и другие фронтiera России: историко-сравнительные параллели // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 4. С. 803-811. doi.org/10.32653/CH204803-811

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204803-811>

Research paper

Sharafutdin A. Magaramov,
Cand. Sci., Senior Researcher
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of the RAS, Makhachkala, Russia
sharafutdin@list.ru

Magomedkhabib R. Seferbekov,
Junior Researcher
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of the RAS, Makhachkala, Russia
dnc.ran@outlook.com

NORTH-CAUCASUS AND OTHER FRONTIERS OF RUSSIA: HISTORICAL AND COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. The applicability of the frontier concept to the North Caucasus has been repeatedly proposed and substantiated within scholarly literature, including international sources. However, some researchers contest the frontier interpretation of the historical process of Caucasian incorporation into the Russian Empire, particularly objecting to the application of the classical (Turner's) frontier model to the history of the North Caucasian peoples. This study aims to examine the commonalities and differences between the North Caucasian borderland and other contemporaneous Russian frontier zones, most notably the Siberian and southern frontiers. Comparing the latter with the North Caucasian case allows for the application of established methodological approaches from Siberian and South Russian historiography to the North Caucasian region. This comparison reveals the unique and distinct historical characteristics of each region, contributing to frontier theory by prompting investigation into the causes of similarities, differences, and evolutionary trajectories of Russian frontier territories. The study's methodological foundation is the comparative historical method, incorporating the frontier concept as an integral analytical framework. This research demonstrates that the North Caucasian frontier possesses several distinguishing characteristics that set it apart from other Russian contact zones, contributing to its unique character, despite consistent interactions with the Russian state. A comparative study of the North Caucasian frontier with other Russian border zones reveals distinct characteristics such as polyfrontierism, its nature as a religious borderland, and the absence of a "no man's land." These features warrant further investigation and promise to enhance our understanding of how Russian influence was established in the North Caucasus. Similarities observed across these frontiers include the concurrent development and demarcation of state borders, the common practice of Cossack settlement as a vanguard of Russian colonization, and the element of coercion in settler presence within these frontier zones.

Keywords: frontier concept; North Caucasus; Russian South; Siberia; comparative analysis; similarities and differences

For citation: Magaramov S.A., Seferbekov M.R. North-Caucasus and Other Frontiers of Russia: Historical and Comparative Analysis // History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 4. P. 803-811. doi.org/10.32653/CH204803-811

Введение

Выдвинутая в конце XIX в. американским ученым Ф.Дж. Тернером [1] теория фронта для объяснения особенностей образования США, очень близка теории колонизации, впервые сформулированной выдающимся русским историком С.М. Соловьевым и позднее получившей развитие в работах историка-классика В.О. Ключевского, как фактор российской истории. Обе эти теории развивались параллельно, не пересекаясь. На общность научных истоков двух теорий обратил внимание американский исследователь М. Бассин в своей обстоятельной статье [2]. Затем российский историк Д.И. Олейников показал схожесть тернеровского фронта и теории колонизации в редакции В.О. Ключевского. По словам автора, «параллельные места у Тернера и Ключевского иногда просто завораживают». Как и В.О. Ключевский, Ф. Тернер выстраивал периодизацию американской истории на последовательности колонизационных «волн» и поэтапном расширении осваиваемых пространств» [3].

В постсоветском научном дискурсе своеобразным замещением теории колонизации стало появление в российской историографии исследований, построенных на применении концепта фронта [4]. Для российских историков образцом работы с концептом стали исследования американского историка Т. Барретта и особенно его статья, переведенная на русский язык, посвященная северокавказскому фронтиру [5]. Т. Барретт убедительно показал широкий диапазон аналитических возможностей тернеровской теории на примере истории вхождения Северного Кавказа в состав Российского государства [6].

О возможности и результативности применения концепта фронта к условиям Северного Кавказа не раз подчеркивалось в отечественной и зарубежной литературе. Выход за рамки традиционных подходов в изучении продвижения и установления России на ее кавказских рубежах позволяет лучше понять процессы становления российского государства на Северном Кавказе, особенности развития периферийных земель. В то же время встречаются еще противники фронтального измерения процесса присоединения Кавказа к Российской империи, правда, часть из них выступают против использования классического (тернеровского) фронта в изучении истории народов Северного Кавказа. В своих предыдущих публикациях нами исследованы проблемы периодизации, показаны этапы формирования и эволюции, выявлены особенности развития северокавказского фронта России.

Цель настоящего исследования – рассмотрение общих и специфических черт между северокавказским пограничьем и другими российскими фронтальными зонами, параллельно существовавшими во времени, среди которых наиболее заметное место принадлежит сибирскому и южному фронтам. В исследовании решается фундаментальная задача, которая заключается в раскрытии неповторимости сопоставляемых объектов, в первую очередь, северокавказского пограничья, его исторический индивидуальности. Это способствует развитию теории, поскольку требует обобщающих ответов на вопросы о причинах сходства, различий и эволюции российских фронтальных территорий.

Компаративное исследование сибирского и южнороссийского фронтов с северокавказским аналогом позволит использовать многочисленные методологические наработки сибирской и южнорусской истории в качестве перспективных исследовательских тем применительно к северокавказскому региону. В этом плане нами уже исследуется вопрос о роли северокавказского региона в качестве религиозного пограничья Московского государства / Российской империи, как пространства диалога веры. Выявленные в процессе сравнительного анализа черты сходства и различия не противопоставляются, а рассматриваются в ходе анализа с включением в поле исследования разнообразные факторы: характер и время освоения и заселения фронтальных территорий, особенности этнокультурного развития и религиозного сознания.

В науке накопилась солидная база конкретных сравнений разных фронтов и фронтальных сообществ. Проблема общего и специфического в истории американского фронта и русского/российского порубежья не новая, она привлекала внимание сибирских исследователей [7; 8], достигших значительных научных результатов. Сравнение российских фронтов, а именно степной границы на Юге России и лесной границы в Сибири, проводится в статье австрийского исследователя А. Каппелера [9]. Специальных работ, посвященных компаративному исследованию северокавказского фронта с другими российскими фронтальными зонами, в историографии нет.

Участники большой дискуссии относительно фронтальной тематики на страницах журнала «Studia Slavica et Balcanica Petropolitana» считают «более продуктивно сравнить фронты, одновременно

существовавшие в межимперском пространстве, например (но не только), России и Османской империи; выявить общее и особенное в освоении сравнимых территорий (например, парамилитарных) пограничных сообществ тех или иных территорий» [10, с. 99]. К сказанному добавим, что, на наш взгляд, вполне перспективной исследовательской проблемой может быть сравнительный анализ одновременно существовавших во времени разных российских фронтиров и фронтирных сообществ.

Общее

Процесс освоения Сибири, южных степей и территории современного Северного Кавказа начался одновременно. После похода дружины Ермака, начавшегося в 1581 г., возводятся первые остроги, ставшие опорными центрами продвижения вглубь Сибири: в 1585 г. – Тюмень, в 1587 г. – Тобольск, в 1604 г. – Томск, в 1619 г. – Енисейск, в 1632 г. – Якутск, в 1661 г. – Иркутск, в 1648 г. казаки-землепроходцы обогнули северо-восточную оконечность Евразии и вышли в Тихий океан [8, с. 97]. Примерно в это же время было положено начало формирования южного пограничья России, когда вслед за основанием в 1585 г. двух первых городов на «Поле» – Воронежа и Ливен – на полевой окраине началось основание новых городов, вокруг которых стали формироваться уезды [11, с. 60].

Со второй половины XVI в. началось поэтапное продвижение российского влияния и интересов к границам Северного Кавказа. Московским государством ставились военно-оборонительные укрепления в виде крепостей и острогов на стратегически важных участках региона: в 1567 г. – Сунженское городище; в 1588 г. – крепость Терки (Терский городок); в 1590 г. – Сунженский острог; в 1594 г. – Койсинский острог [12, с. 241, 270, 276, 283; 13, с. 69–78]. Примерно в это же время стали появляться казачьи городки в низовьях Терека и в районе устья Сунжи. Таким образом, стратегически важный путь на Северный Кавказ и далее – на Южный Кавказ – стал контролироваться русскими властями, вместе с тем им стали подконтрольны действия отдельных северокавказских владетелей. Итак, налицо одновременность «открытия» российских фронтиров на различных окраинах государства.

Следующим этапом освоения Российским государством новых приграничных территорий было строительство новых укрепленных линий. На южном пограничье были основаны Белгородская и Тамбовская оборонительные черты, ставшие очередным этапом продвижения российских границ в южные уезды, в сторону Великой степи. Укрепленные линии позволяли Российскому государству пресекать набеги кочевников и поэтапно продвигать собственные интересы путем заселения южных просторов [14, с. 86].

На Северном Кавказе такой укрепленной границей долгое время была Кавказская линия. Основанием данной линии послужили казачьи поселения, возникшие в XVI–XVII вв. на Тереке и Кубани. В 1722 г. по личной инициативе государя Петра I началось строительство на Сулаке крепости Святой Крест. По причине изменений геополитической ситуации в регионе Россия вынуждена была снести данную крепость и перенести свои границы на правый берег р. Терек. В 1735 г. здесь была основана новая крепость Кизляр, рядом с которой появились еще три казачьих станицы. В 1763 г. был учрежден важный форпост Моздок, положивший начало городу. Укрепленная линия протянулась по левому берегу Терека от Кизляра до Моздока [15, с. 559]. В 1784 г. была заложена крепость Владикавказ. Таким образом, к концу XVIII в. Российская империя поставила Азово-Моздокскую укрепленную линию, объединившую единой укрепленной системой огромное пространство от Черного до Каспийского морей.

В продвижении русских интересов в Сибири ключевую роль играли казаки, в задачу которых входила не только оборона рубежей, но и их расширение. Учитывая значение казаков в освоении Сибири, сибирскими исследователями был придуман дефиниций «казачий фронтир» [7, с. 101]. Казаки являлись фронтирсменами и в южной пограничной зоне. Российская власть, учитывая универсальные качества казачества, привлекала его и в заселении новых территорий, и в охране рубежей государства и даже в экономическом освоении присоединенных земель.

Авангардом российской колонизации Кавказа также было казачество. Казаки привлекались к службе на Кавказе для охраны укрепленной линии. Традиционно репутация казаков была связана со службой, людей приграничья. Историк А. Каппелер характеризует казаков в истории российского

государства как «верных слуг царей» [16, с. 377]. Автор конца XIX в., подчеркивая способности казачества в освоении новых земель, писал: «Где оснуется 10–20 казаков – они уже принимают в свою общину всех – русских, крестьян и черкесов (под условием окреститься)» [17, с. 6].

Опора на силы казачества давала царской власти возможность закрепиться на рубежах Северного Кавказа, поэтому было создано казачье войско, которому поручена была охрана южных границ Российского государства. В 1721 г. терское казачество было изъято из ведения Посольского приказа и передано в распоряжение Военной коллегии, превративший казаков в категорию служивых людей. Казачество в качестве иррегулярных частей российской армии использовалось центральной властью для «усмирения» местных социально-политических протестов.

Еще одной общей чертой северокавказского фронта с другими российскими порубежными зонами было вынужденное пребывание поселенцев на новой территории. Пребывание в Сибири русский человек почти всегда рассматривал как вынужденное и временное явление и «все время стремился вернуться на родину, в «Расею» [18, с. 31].

Служба на приграничье Кавказа для казака или солдата была тяжелой ношей. Кроме службы порою им приходилось заниматься хозяйственной деятельностью, как, например, в Дербенте они занимались виноградарством и виноделием. Многие из них умирали на Кавказе от болезней в силу нездорового климата. Потому казаки с неохотой шли служить на Кавказ. В силу этого 28 марта 1726 г. в Верховном тайном совете было принято решение заменить службу казакам денежным взносом. «Из Малой России казаков к крепости Святаго Креста и в Дербень, которых тамо было по 5000 чел. в год с переменою и употреблялися более в городскую работу, ныне не посылать, понеже от них пользы мало, но токмо многие из них от тамошняго воздуху и нужду помирают. А вместо того взять с малороссийских казаков, которым сего году к крепости Святаго Креста на перемену другим идти надлежало, с пяти тысячного числа по 3 рубля с человека, на которья деньги у крепости Святаго Креста и в Дербень к работам людей малороссиян нанимать, или солдатом и драгуном тамо будущим давать..., которые малороссийские казаки ныне при крепости Святаго Креста и в других тамошних местах, тех сего лета в сентябре месяце отпустить оттуды в дома их» [19, с. 148–149]. Российский востоковед XIX в. И.Н. Березин также отмечал, что прибывшие в Дербент «из Малороссии, то из Финляндии, то из Вологды... большею частию мечтают о возвращении на родину» [20, с. 53]. Тем не менее и в XIX в. регулярно отправлялись казаки на службу на Кавказ.

Особенное

Кавказский регион в Новое время представлял собой арену геополитического противостояния по крайней мере трех крупных держав – России, Персии и Османской империи. Каждый из них был представлен на Кавказе армиями, крепостями, каналами культурного обмена и влияния (язык, религия, торговля). Данное явление в исторической литературе принято обозначить понятием «полифронтность» [21]. Ни Сибирь, ни Поволжье, в отличие от Кавказа, не выступали в качестве театра соперничества других государств.

С приближением рубежей Московского государства к Предкавказью Северокавказский регион превратился в религиозную пограничную зону, позже – в мусульманскую пограничную зону Российской империи. Христианами, оказавшимися по другую сторону границы, были грузины и армяне. Вынужденные платить дань то Персии, то Османской империи, и окруженные мусульманскими народами Кавказа, грузины часто обращались к русским царям за помощью, используя образ оскверненных христиан. Послы грузинского царя Александра в 1588–1589 гг. просили русского царя освободить их от турок – «недругов и в неверные руки не отданы были», которые захватили «Иверскую землю» (Грузию. – авт.). Послы также жаловались на дагестанского правителя – шамхала, чьи люди, как описывали сами послы, как «неверные собаки... тадбою крестьян ночью пленят, и ясыри в полон ведут, да от хрестьянской веры в бусурманскую веру нудят хрестьян» [22, с. 55–56].

Местные мусульманские правящие элиты в свою очередь обращались за помощью и покровительством к своим могущественным единоверцам – турецким султанам. Дагестанский шамхал, обеспокоенный быстрым продвижением границ Московского государства к своим землям, обратился к турецкому

султану в 1589 г. В письме шамхал отмечал, что русские «на земле на моей город (Терки. – авт.) поставили и реку Койсу (Сулак. – авт.) у меня отняли» и приготовились отправить против него из Астрахани и Терки значительную военную силу. Как отмечал шамхал, единственная надежда на защиту мусульманских земель «на султана турецкого». В случае отсутствия военной помощи от султана, русские овладеют Дербентом, Шемахой, Ширваном и Гянджой, и эти города будут за царем московским, а мусульман в этих городах «высекут, иных в свою (христианскую. – авт.) веру приведут, и наша бусурманская вера вся разоритца от тебя, только не вступишься за нас» [22, с. 202–203]. Прося помощи у правоверного султана как халифа мусульманского мира, шамхал стремился убедить его в необходимости помочь представителям единой веры – мусульманам-суннитам.

Российское, османское и персидское правительства в отстаивании собственных геополитических целей часто использовали религиозный фактор. Они предъявляли претензии на земли и народы на основе их общей религии. Российские послы отстаивали российскую протекцию над Грузией, указывая в качестве главного аргумента, что это христианская страна. Аналогичным образом представители османов настаивали на том, что многие народы Кавказа являются мусульманами и, следовательно, подданными Османской империи [22, с. 572]. В середине XVII в. дагестанский владетель – уцмий Кайтага Амирхан-султан, возражая утверждению Москвы, что владетели Эндиреевские были подданными России, подчеркнул: «И вам буди ведомо: Казаналп и Бурак мусульманы, а мусульманом у хрестьянского государя как в холопех быть, они могут холопи государя нашего шаховы» [23, с. 173–174]. Данная бескомпромиссная позиция уцмий объясняется тем, что он пришел к власти в результате междоусобиц исключительно благодаря помощи шахских войск. В действительности, к середине XVII в. многие мусульманские общества находились под протекцией или подданством русского царя, а многие христианские народы были подданными Османской империи.

Религиозный фактор в международных отношениях на Кавказе был замечен и в последующий период. В период Персидского похода Петра I в сентябре 1722 г. крымский хан Сеадет-Гирей-хан обратился к шамхалу Тарковскому Адиль-Гирею с воззванием объявить «священную войну» против русских: «махометанской ради веры против возмутителей жестоко биться... всем сердцем ради веры и земель махометанских старайся, чтоб от гиавура (неверных. – авт.) не были разорены..., гиавурским словам не верьте...» [23, с. 261–262]. Как известно, шамхал не стал поддаваться уговорам крымского хана, наоборот, он сблизился с Петром I и очень тепло принял царя у себя дома. В отдельных случаях религиозная (мусульманская) солидарность имела значение. В 1737 г., вскоре после того, как владетель Эндирея присягнул на верность России, ему было приказано отправить свои отряды на войну России против Османской империи. На это он ответил, что ему, как мусульманину, не подобает помогать иной веры правителю (*русскому царю*. – авт.) против мусульманского султана¹.

Случались бегства подданных горских владетелей на сторону России, где они могли поменять свою веру – ислам на христианство. Требуя их выдачи обратно, кавказские владетели отмечали, что они переходят в христианство не по религиозным убеждениям, а ради обретения свободы или с целью избежать наказаний за совершенные проступки или преступления. Российская сторона, в свою очередь, прекрасно понимала, что перебежчиков нисколько не интересовало христианство, что они лишь для прикрытия переходили в новую религию. Чтобы не допускать обострения отношений с лояльными российской власти горскими владетелями, было запрещено предоставлять прибежище беглецам и выдавать их обратно владельцам. Переход в христианство разрешался лишь с личного разрешения местного командующего [24, с. 83]. В 1771 г., после очередной петиции из Кабарды, Екатерина II согласилась вернуть беглых кабардинских людей, а за каждого перешедшего в христианство уплатить 50 руб. в качестве выкупа [24, с. 85].

У российских правящих кругов были масштабные планы по христианизации горского населения параллельно с покорением региона. Однако эти планы, несмотря на миссионерскую работу, не принесли ожидаемого успеха и остались в целом нереализованными.

Остановимся еще на одной важной черте, отличающей северокавказский фронт от сибирского и южнороссийского. В Сибири всегда было много свободных территорий («ничейная земля»). К приходу русских на всей территории Сибири проживало примерно около 200–220 тыс. чел., для пришлого населения она была «большой пустыней» [8, с. 9].

1. Об осетинцах и других азиатских народах, пожелавших принять святое крещение // Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1257. Л. 14 об.

На юге России также было много пустующей степной земли, в то время как на Кавказе свободных земель не было. В процессе освоения Россией этих регионов происходило в первую очередь заселение свободных земель. На южном фронтире присоединяемой и колонизируемой Россией территорией было Поле [25, с. 45]. Южное пограничье, огромная территория междуречья Волги и Дона с востока на запад и предгорьями Кавказа на юге, почти не имело постоянного автохтонного населения после ухода отсюда в середине XVI в. Большой орды. Роль местного населения здесь играли крымские татары и ногайцы, начиная с XVII в. и калмыки, которые кочевали на этих степных просторах и поэтому не могли освоить и надежно закрепить за собой данные территории. Борьба за лесостепь и степное пограничье продолжалась на протяжении почти всего периода существования южного фронта [26, с. 12].

В своих предыдущих публикациях мы уже отмечали, что американский исследователь Т. Баретт ошибочно употребляет дефиницию «ничейная земля» для Северного Кавказа, заимствовав ее из классической (тернеровской) теории фронта. Как отмечает автор, «ничейная земля» – это нейтральная территория между горскими народами и русскими в XVII – начале XIX в., предпосылкой существования которой является отсутствие доминирующей этнической группы, способной диктовать нормы поведения [5, с. 178–179].

Однако на Северном Кавказе не существовало «незаселенной» территории, «ничейной» земли. В этом отношении значительный интерес представляет суждение Э.А. Шеуджен относительно тех авторов, которые продолжают трактовать концепт фронта как границу между заселенными и незаселенными территориями. Мы солидарны с мнением исследователя о том, что Северный Кавказ не воспринимался окружающим миром, прежде всего, российским обществом, как «незаселенная» территория [27, с. 77–78]. Осваиваемые казачеством земли на Северном Кавказе и в Предкавказье на протяжении долгого времени являлись пахотными угодьями и степными пастбищами для западных адыгов, ногайцев, кабардинцев и кумыков. По причине того, что центральная власть рассматривала эти пространства как пустынные, они таковыми не являлись.

Приграничные районы на Северном Кавказе и таковые на юге России кроме своей «приграничности» не имели ничего общего. Они не были вполне приграничными и в Сибири, где на протяжении долгого времени освоения региона не было единой границы государства [8, с. 40]. На юге России, в силу географических особенностей (лесостепь и степь), граница была неустойчивой, в отличие от кавказских рубежей страны, где границы были более четкими и прочности обороны способствовали официальные разделительные линии и определенная система охраны. На юге России такого порядка долгое время не существовало. Кочевые народы степей и Крымское ханство не устанавливали разделительных линий с Российским государством, предпочитая опираться на традиции, заложенные во времена Золотой Орды. Степные южные просторы фактически являлись нейтральной территорией в виду отсутствия постоянного населения [28, с. 33].

«Закрывание» сравнимых российских фронтиров происходило в разные периоды. Возникшие во второй половине XVI–XVII в. южный и сибирский фронтиры, в первой половине XIX в. перестали существовать, они превратились в основную территорию государства [26, с. 12], в то время как северокавказская фронтирная зона продолжала существовать еще до середины второй половины XIX в.

В историографии встречаются работы, в которых Северный Кавказ отнесен к пространству вечного фронта [29; 30]. С этой идеей категорически нельзя согласиться, как не имеющей научных оснований. Со времени окончательного вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи во второй половине XIX в. в регионе черты фронта с присущими ему элементами уже не заметны, и идея фронта теряет реальную смысловую нагрузку. В подобного рода утверждениях больше политической риторики, чем, собственно, истории.

Итак, сравнительный анализ северокавказского пограничья с южным и сибирскими фронтами России показывает множество совпадений и в то же время кардинальных различий между ними. Сопоставление различных пограничных российских зон с северокавказским фронтиром позволило выявить особенности и такие уникальные черты последнего, как полифронтирность региона, религиозное пограничье, отсутствие «ничейной» земли и др., которые в качестве отдельных аспектов нуждаются в более глубоком анализе. Их изучение позволит лучше понять исторический процесс установления российского влияния в северокавказском регионе. Совершенно очевидны параллели северокавказского пограничья с сибирским и южнорусским фронтирными зонами, особенно в том, что касается времени начала освоения этих регионов и оформления их государственных границ, общих принципов за-

селения приграничных территорий казачеством и русским крестьянством, вынужденного нахождения поселенцев во фронтальной зоне, которые также требуют обобщающих ответов на вопросы о причинах сходства. Выявленные релевантные признаки различных российских пограничных зон позволяют продемонстрировать общность принципов и методов формирования государственной территории России на разных окраинах, существенно отличающихся между собой этноконфессиональным составом населения, уровнем социально-экономического развития, природно-географической средой.

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01106, <https://rscf.ru/project/23-28-01106/>

Acknowledgements: The study was financially supported by the Russian Science Foundation, grant project No. 23-28-01106, <https://rscf.ru/project/23-28-01106/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Тернер Ф.Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009. – 304 с.
2. Bassin M. Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»: The Nationalist Signification of Open Spaces // *The Journal of Modern History*. 1993. Vol. 65. No. 3. P. 473–511.
3. Олейников Д.И. Фронтир и колонизация. [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://uchebana5.ru/cont/2730060.html>
4. Sen D.V. Frontier Research in Present-Day Russia: Shaky Boundaries of the Academic Dialogue // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1. P. 66–80.
5. Барретт Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» России // *Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Антология*. Самара, 2000. С. 163–194.
6. Урушадзе А.Т. Трудная экспансия: территориальная динамика Российского государства в конце XVII – первой половине XVIII в. в контексте историографии. К 300-летию Российской империи // *Историческая экспертиза*. № 4 (29). 2021. С. 7–27.
7. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005. – 330 с.
8. Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. – 113 с.
9. Кappelер А. Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII вв. // *Ab Imperio*. №1. 2003. С. 47–64.
10. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д.В. Сеня // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1 (27). 2020. С. 81–105.
11. Скобелкин О.В. Служилые люди южного фронта: особенности землевладения, земельной и сословной политики государства во второй половине XVII в. // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история. политология. социология*. № 1. 2013. С. 58–65.
12. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 372 с.
13. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. – 392.
14. Мизис Ю.А. Белгородская и Тамбовская черта как часть территории южнорусского фронта // *Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты*. Вып. 3. 2018. С. 83–87.
15. Тхамокова И.Х. Кавказская линия и кабардинцы: к проблеме этнокультурных границ // *Границы и пограничье в Южнороссийской истории. Материалы Всероссийской научной конференции*. Ростов-на-Дону, 2014. С. 559–569.
1. Turner FJ. *The Frontier in American History*. Moscow, 2009. (In Russ)
2. Bassin M. Turner, Solovyov, and the “Frontier Thesis”: The Nationalist Signification of Open Spaces. *The Journal of Modern History*. 1993; 65(3): 473–511.
3. Oleynikov DI. Frontier and Colonization. [Electronic resource]. Available at: <https://uchebana5.ru/cont/2730060.html> (In Russ)
4. Sen DV. Frontier Research in Present-Day Russia: Shaky Boundaries of the Academic Dialogue. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020; 1: 66–80.
5. Barrett TM. Lines of uncertainty: Russia’s North Caucasian “frontier”. *American Russian studies: milestones in the historiography of recent years. The imperial period. Anthology*. Samara, 2000: 163–194. (In Russ)
6. Urushadze AT. Difficult expansion: territorial dynamics of the Russian state in the late 17th – first half of the 18th century in the context of historiography. On the 300th anniversary of the Russian Empire. *Istoricheskaya ekspertiza*. 2021; 4(29): 7–27. (In Russ)
7. Ageyev AD. *Siberia and the American West: the movement of frontiers*. Moscow, 2005. (In Russ)
8. Rezun DYa., Lamin VA., Mamsik TS., Shilovsky MV. *Frontier in the history of Siberia and North America in the 17th–20th centuries: general and specific*. Novosibirsk, 2001. (In Russ)
9. Kappeler A. The Southern and Eastern Frontier of Russia in the 16th–18th Centuries. *Ab Imperio*. 2003; 1: 47–64. (In Russ)
10. How to Study Frontiers Today? Discussion of D.V. Senya’s Article. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020; 1(27): 81–105. (In Russ)
11. Skobelkin OV. Service people of the southern frontier: features of land ownership, land and class policy of the state in the second half of the 17th century. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*. 2013; 1: 58–65. (In Russ)
12. Kusheva EN. *Peoples of the North Caucasus and their connections with Russia. Second half of the 16th – 30s of the 17th century*. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1963. (In Russ)
13. Gadzhiev VG. *The role of Russia in the history of Dagestan*. Moscow, 1965.
14. Mizis YuA. Belgorod and Tambov line as part of the territory of the southern Russian frontier. *Collection of articles and materials on the history of the Belgorod defensive line*. 2018; 3: 83–87. (In Russ)
15. Tkhamokova IKh. Caucasian line and Kabardians: on the problem of ethnocultural borders. *Borders and borderland in South Russian history. Proceedings of the All-Russian scientific conference*. Rostov-on-Don, 2014: 559–569. (In Russ)

16. Мининков Н.А. Казачество как пограничное сообщество в исторической концепции А. Каппелера // Границы и пограничье в Южнороссийской истории. Ростов-на-Дону, 2014. С. 370–379.
17. Колонизация Кавказа и казаки. СПб., 1886. – 6 с.
18. Агеев А.Д. Американский «фронт» и «сибирский рубеж» как факторы цивилизационного разлома // Американский и сибирский фронт. Томск, 1997. С. 23–41.
19. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 55. СПб., 1886. – 538 с.
20. Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850.
21. Урушадзе А.Т. Фронт на Кавказе (XVIII–XIX вв.): возможности и перспективы применения концепта // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2012. Вып. 7 (15) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000211-1-2-ru>
22. Сношения России с Кавказом. 1578–1613 гг. М., 1889. – 715 с.
23. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. Документы и материалы. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1958. – 336 с.
24. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 1. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1886. – 827 с.
25. Скобелкин О.В. Южный фронт России на рубеже 60–70-х гг. XVI в. // Вестник Томского государственного университета. Вып. 10 (126). 2013. С. 43–48.
26. Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Теория фронта и Юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. Т. 20. Вып. 10. 2015. С. 7–15.
27. Шедужен Э.А. К вопросу о северокавказском фронте // Научная мысль Кавказа. № 3. 2006. С. 77–78.
28. Мизис Ю. Внешние и внутренние границы России и естественные природные зоны на юге в XVI – XVIII в. // Российская история. № 3. 2016. С. 33–49.
29. Романова А.П., Топчиев М.С. Кавказ как вечный фронт // Каспийский Регион: политика, экономика, культура. № 3. 2014. С. 284–291.
30. Романова А.П., Топчиев М.С. Проблемы периодизации кавказского фронта // Границы и пограничье в южнороссийской истории. Ростов-на-Дону, 2014. С. 284–291.
16. Mininkov NA. Cossacks as a border community in the historical concept of A. Kappeler. *Borders and borderland in South Russian history. Rostov-on-Don*, 2014: 370-379. (In Russ)
17. *Colonization of the Caucasus and the Cossacks*. Saint-Petersburg, 1886. (In Russ)
18. Ageyev AD. American and Siberian frontiers as factors of civilizational rift. *American and Siberian frontier*. Tomsk, 1997: 23-41. (In Russ)
19. *Collection of the Imperial Russian Historical Society*. Vol. 55. Saint-Petersburg, 1886. (In Russ)
20. Berezina I. *Journey through Dagestan and Transcaucasia*. Kazan, 1850. (In Russ)
21. Urushadze AT. Frontier in the Caucasus (18th–19th centuries): Possibilities and Prospects for Applying the Concept. *Electronic Scientific and Educational Journal "History"*. Moscow, 2012; 7(15). Available at: <http://mes.igh.ru/s207987840000211-1-2-ru> (In Russ)
22. *Relations between Russia and the Caucasus. 1578–1613*. Moscow, 1889. (In Russ)
23. *Russian-Dagestani relations in the 17th – first quarter of the 18th century. Documents and materials*. Makhachkala: Dag. book publ., 1958. (In Russ)
24. *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. 1*. Tiflis: Type. Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1886. (In Russ)
25. Skobelkin OV. The Southern Frontier of Russia at the Turn of the 60s–70s of the 15th Century. *Bulletin of Tomsk State University*. 2013; 10(126): 43-48. (In Russ)
26. Mizis YuA., Skobelkin OV., Papkov AI. Frontier Theory and the South of Russia in the 16th – First Half of the 18th Century. *Bulletin of Tomsk State University*. 2015; 20(10): 7-15. (In Russ)
27. Sheudzhen EA. On the Issue of the North Caucasian Frontier. *Scientific Thought of the Caucasus*. 2006; 3: 77-78. (In Russ)
28. Mizis Yu. External and internal borders of Russia and natural zones in the south in the 16th – 18th centuries. *Russian history*. 2016; 3: 33-49. (In Russ)
29. Romanova AP., Topchiev MS. The Caucasus as an eternal frontier. *Caspian Region: politics, economics, culture*. 2014; 3: 284-291. (In Russ)
30. Romanova AP., Topchiev MS. Problems of periodization of the Caucasian frontier. *Borders and borderland in southern Russian history*. Rostov-on-Don, 2014: 284-291. (In Russ)

Поступила в редакцию 31.07.2024 г.

Принята в печать 24.10.2024 г.

Опубликована 15.12.2024 г.

Received 31.07.2024

Accepted 24.10.2024

Published 15.12.2024